

Материал директора Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президента Вольного экономического общества России С.Д. Бодрунова

Новоиндустриальные трансформации и их воздействие на интеграционные процессы на евразийском пространстве

Одним из актуальных вызовов современности как для России, так и для мира в целом является новая индустриализация (неоиндустриализация, реиндустриализация). Ее появление обусловлено глобальными трансформациями существующих экономических моделей, ростом понимания значимости индустриального базиса для обеспечения устойчивости социально-экономического развития.

Получившие распространение в экономической науке со второй половины прошлого века представления о том, что нас ждет постиндустриалистское будущее, по видимому, оказались ошибочными. Печально то, что эти теоретические взгляды оказали серьезное влияние на российскую экономическую политику, а также на подходы к управлению

народно-хозяйственными комплексами стран всего постсоветского пространства. Итогом этого, например, в России, стала деиндустриализация национальной экономики, масштабы и негативные последствия которой хорошо известны.

Неолиберальная модель рыночной экономики подразумевает, что меняется технологическая основа хозяйства. С точки зрения ее апологетов единственно адекватной является модель, в которой основной сферой бизнеса должна и может быть сфера услуг, главным пространством накопления капитала – финансовые транзакции, господствующим механизмом обеспечения сбалансированности и роста – свободный рынок, распространяющийся на все сферы жизни общества. В результате родился миф о новой экономике, якобы открывающей развитым странам дорогу к бескризисному росту и развитию. Этот миф был некритично воспринят и поддержан и в нашей стране.

И хотя этот миф разбился о волны кризиса 2008–2009 годов, идеи, лежащие в его основе, по-прежнему имеют широкое хождение. Доминирование этой позиции, не случайно

называемой многими учеными «рыночным фундаментализмом», оказалось прямо сопряжено с разворачиванием ряда специфических процессов:

во-первых, получил развитие процесс финансиализации, который стал не просто ростом сферы жизнедеятельности различного рода финансовых институтов, но и существенным новым фактором формирования специфической модели регулирования экономики, отношений собственности и тому подобного. Следствием финансиализации стали, в частности, существенные изменения в выборе приоритетов инвестиций (они стали все более направляться из производственной сферы в сферу финансовых транзакций, а сами производственные инвестиции оказались в зависимости от конъюнктуры финансового рынка), перемещение контроля за собственностью и основных прав собственности к финансовым институтам. В конечном счете все это привело к раздуванию так называемых финансовых пузырей и – через ряд опосредований – к мировому не только финансовому, но и экономическому кризису;

во-вторых, следствием постиндустриальной волны стали массовый дрейф производственных мощностей индустриального сектора из развитых стран в страны развивающиеся, ускоренная индустриализация полупериферийных, а затем и периферийных стран, захватившая едва ли не половину населения планеты. К сожалению, в этих процессах Россия позиционировала себя скорее не как развивающаяся страна (что объективно соответствует нашему уровню социально-экономического развития), а как развитая (во многом базируясь на достижениях советского прошлого и их отражении в массовом сознании). Итогом стала деиндустриализация. Одновременно с этим от глобальной миграции производства серьезно выиграли наши партнеры по БРИКС. Наблюдается рост политико-экономического влияния и могущества таких стран, как Китай и Индия, которые стали «донорами» выводимых из Европы и Северной Америки производств;

в-третьих, в экономиках многих развитых стран, прежде всего США, развернулся процесс деиндустриализации, который привел к формированию совершенно нового фактора мирового развития – производственной зависимости стран Центра от стран Периферии. Именно осознание этой опасности, ее развитие до критического уровня во многом обуславливает действия нынешней американской администрации во главе с Д. Трампом, который ставит целью вернуть прежнее могущество Америки преимущественно за счет восстановления собственного промышленного потенциала. Причем речь идет не обо всех сферах производства, а прежде всего о высокотехнологичных отраслях. Сегодня стал реальностью выход Китая на современные рубежи производства высокотехнологичной продукции, выход его из состояния технологической зависимости от США и ЕС. Это воспринимается последними как серьезный вызов. Россия и страны ЕАЭС оказываются на периферии этой борьбы, но должны сделать из нее

однозначный вывод о том, что лидеры ближайшего будущего – это лидеры технологические. Поэтому именно на производственно-технологическом и инновационном развитии необходимо сосредоточить основные усилия, консолидировав их в рамках межгосударственной интеграции.

В этих условиях мы предлагаем отказаться от показавшей свою неадекватность реальным процессам концепции постиндустриального общества и предлагаем концепцию нового индустриального общества второго поколения (далее – НИО.2). Почему речь идет о втором поколении, второй версии этой модели устройства экономики? Мы полагаем, что модель НИО.2 – это логичное развитие идеи нового индустриального общества, предложенной в середине XX века американским экономистом Дж. Гэлбрейтом. При этом НИО.2 и экономика XXI века в целом могут и должны стать «отрицанием отрицания», диалектическим развитием позднеиндустриальной системы, описанной Дж. Гэлбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, описанных Д. Беллом и его последователями.

Развитие НИО.2 во многом базируется на изменениях в технологиях. На первое место в этих изменениях мы можем и должны поставить возрастающее значение в современном мире информационных технологий (далее – ИТ). Их влияние бесспорно и ни у кого сегодня не вызывает сомнения. Но ИТ вовсе не замещают собой материальное производство. Базовые потребности и отдельного индивида, и общества в целом остаются материальными, и для их удовлетворения по-прежнему необходимо наличие материального производства. В то же время нельзя отрицать того, что в современном мире наблюдается непрерывный рост знаниеемкости материального производства. Это принципиальная черта современной экономики. Отличие НИО.2 от прежнего индустриального производства проиллюстрировано на графике (рисунок 1), где показано снижение удельного веса в продукте производства его материалоемкости и капиталоемкости, и в то же время возрастание знаниеемкости.

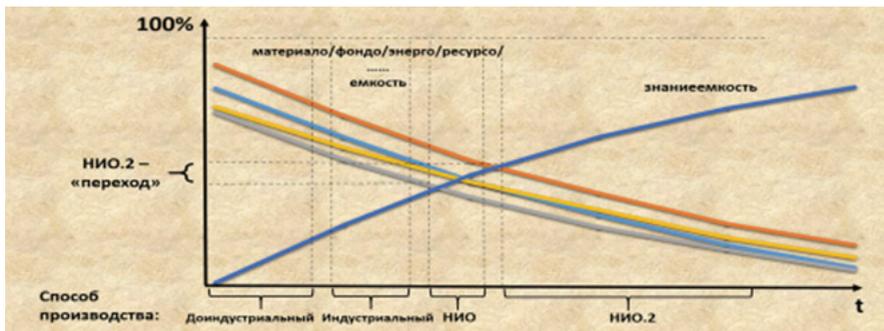

Рис. 1. Тенденции изменения емкостных характеристик индустриального продукта

Мы не просто фиксируем возросшее значение информации и знаний и говорим не столько об их производстве и использовании, сколько о новом типе материального производства. Знаниеемкость продукта порождает знаниеинтенсивность технологий материального производства. Это выражается, в частности, в том, что в таком производстве определяющую роль начинают играть операции и процессы, в которых человек выступает не как придаток машины (станка, конвейера), а как носитель знания, трансформируемого в процессе такого производства в технологию.

Итак, сегодня формируется принципиально *новый тип материального производства, а именно – **знаниеинтенсивное производство***. Его основными чертами становятся:

- непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей; миниатюризация, тенденция к снижению энергоемкости, материалоемкости, фондоемкости продукции;

- особенности производственного процесса и тенденции развития технологий (гибкость, модульность, унификация и так далее);

- сетевая модель структуризации производственных цепочек, идущая на смену вертикально интегрированным структурам;

- использование современных методов организации производства и управления – «just-in-time», «lean-production» и других;

- экологическая чистота и ориентация на новые источники энергии;

- развитие качественно новых технологий в самом материальном производстве, транспорте и логистике (нанотехнологии, 3D-принтирование и тому подобное);

- сокращение роли традиционной обрабатывающей промышленности в силу распространения аддитивных технологий (процесс объединения материала с целью создания объекта из 3D-модели в отличие от «вычитающих» производственных технологий);

- упор на качество и эффективность, в том числе социальную и экологическую.

Рассмотренные процессы ведут к снижению спроса на традиционные ресурсы, что понятным образом меняет позиции ресурсодобывающих стран, в частности России, в мировой экономике. С общечеловеческой точки зрения, с позиции экологического мышления, оценки мирового баланса природных ресурсов это ведет к снижению нагрузки на естественные запасы природных ресурсов и позволяет рассчитывать на продолжение устойчивого развития человечества при сохранении и восстановлении равновесия с природной средой. В то же время для России это обозначает наличие структурных экономических проблем, так как в ее промышленности значительную часть (численность занятых, экспортные доходы, сумма налоговых отчислений, совокупный объем производства

и так далее) занимает добывающий комплекс при недостаточном развитии современных высокотехнологичных обрабатывающих производств. Именно им следует уделять сегодня основное внимание не только в национальной экономической и промышленной политике, но и на наднациональном уровне – в рамках межгосударственного взаимодействия со странами ЕАЭС и другими партнерами. Привлечение потенциала других национальных экономик, совместное решение проблем стимулирования технологического развития национальных производств обусловлено тем, что разработка собственных технологий «с нуля» зачастую требует значительных ресурсов, а создание производств на их основе экономически оправдано лишь в случае наличия достаточно емкого рынка сбыта.

Технологическое ядро НИО.2 составляют не только ИТ. К числу технологий, определяющих облик прогрессивной модели индустриально развитой экономики, следует отнести также биотехнологии, генную инженерию, альтернативную энергетику, нанотехнологии, аддитивные технологии, когнитивные и социальные технологии. Все они в настоящее время активно развиваются, надстраиваясь над сферой традиционной машинной техники. Возможный на основе их развития перспективный переход от машинно-механических технологий к гибридным, где машинная техника вкупе с информационными технологиями используется как инструмент регулирования и направления естественных, природных процессов для достижения желаемых человеком целей, открывает дверь для новой технологической революции, о фактическом наступлении которой говорят многие эксперты.

Сегодня перед Россией и государствами ЕАЭС, которые замедлились в своем инновационно-технологическом развитии по сравнению с ведущими странами мира, стоит задача совершения рывка. И это – вполне решаемая задача. Потенциал ее решения определяется спецификой современного этапа, этапа перехода к новому технологическому укладу (рисунок 2). Технологический уклад, как известно, представляет собой систему взаимосвязанных производств (включающих зависимые друг от друга технологические цепочки) с равным техническим уровнем, которые могут рассматриваться как подсистема более общей экономической системы. Появление и становление нового целостного уклада в качестве доминирующего выступает как качественный ответ экономической системы на появление и широкое распространение очередного поколения технологий. Накопление количественных изменений в сфере применения этих новых технологий, по мере того, как они постепенно пронизывают не только непосредственное производство, но и все сферы жизни общества, ведет не только к технологическим сдвигам, но и к изменениям в общественном строе в целом.

Индивидуализация производства и установление непосредственного контакта производителя с потребителем лежат в русле использования современных информационных и телекоммуникационных технологий. Развитие сети Интернет привело к массовому созданию площадок, обеспечивающих коммуникации B2B и B2C, что создает эффективный инструментарий прямого взаимодействия заказчика (потребителя) и производителя. Широкое развитие принципиально новых технологий – виртуального проектирования, компьютерной визуализации и 3D-принтирования – позволит уже в ближайшем будущем фактически создавать промышленные изделия индивидуально, практически безотходно и с мгновенной их доставкой потребителю.

При этом сам принцип существования такого рода площадок учитывает экстерриториальность их базирования. В виртуальном пространстве локализация производителя, потребителя, участников различных вспомогательных и обеспечивающих процессов (финансовые расчеты, консалтинг, рекламная поддержка и другие) не играет принципиальной роли. В то же время при выходе в реальное пространство можно столкнуться с различными барьерами, например, в форме таможенных границ, правил валютного контроля, необходимости сертификации по местным правилам и так далее. ЕАЭС в этом смысле дает уникальную возможность для развития трансграничного бизнеса, основанного на сетевом взаимодействии, так как за счет гармонизации правовых норм, схожести культуры и ценностей населения, партнерства в политической сфере появляются предпосылки для безбарьерного выхода бизнеса из виртуальной среды в физическое пространство. И этим очевидным преимуществом, по нашему мнению, следует обязательно воспользоваться.

Индивидуализация производства во многом способствует переходу к сетевым принципам организации не только бизнеса, но и собственно процесса материального производства. Это позволяет оперативно создавать и изменять конфигурации взаимодействия производителей с субпоставщиками, и вообще – с субконтракторами и аутсорсерами. На этой основе также возможно быстрое приспособление производимого продукта к индивидуальным запросам потребителей, а затем переход к новым продуктам, ориентированным на другого потребителя или пользователя, на другие рынки. В результате появляются возможности экспансии сетевых производителей ЕАЭС на мировые рынки, а также наиболее рационального конфигурирования партнерских сетей с учетом локальных преимуществ конкретных страновых и региональных юрисдикций.

Подводя итог, отметим, что новоиндустриальные трансформации носят объективный характер и приводят к изменениям не только

теоретических взглядов на устройство экономики и общества (в частности, к появлению концепции НИО.2), но и к изменениям в проводимой экономической политике. Запаздывание с этими изменениями в современный критический момент, когда осуществляется формирование ядра нового технологического уклада, способно на многие годы и десятилетия затормозить социально-экономическое и технологическое развитие стран и регионов. В связи с этим России необходимо более энергично принимать меры в рассмотренной области, ориентируясь не только на собственный народно-хозяйственный комплекс, но также учитывая интересы своих партнеров по межгосударственной интеграции и интеграционные процессы на евразийском пространстве в целом.